

УДК 811.161.1'42:82

Наталья Александровна Михальчук, к. филол. н.
Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь
э-почта: n-mihalchuk@list.ru

Natalya Aleksandrovna Mihalchuk, Cand.
of Sc. (Philology)
Belarusian State University, Minsk, Belarus
e-mail: n-mihalchuk@list.ru

ОСНОВНЫЕ ТАКТИКИ И ФУНКЦИИ НЕПРЯМЫХ РЕАЛИЗАЦИЙ ПОБУЖДЕНИЯ В ДИАЛОГАХ ПЕРСОНАЖЕЙ РУССКОЙ ПРОЗЫ XX–XXI ВВ.

Выявлены основные тактики репрезентации и стилистические функции намеков и косвенных речевых актов с директивным значением в репликах-реакциях в русской прозе XX–XXI вв.

Ключевые слова: непрямая коммуникация; имплицитность; косвенность; реактивная реплика.

MAIN TACTICS AND FUNCTIONS OF INDIRECT REALIZATIONS OF INDUCEMENT IN DIALOGUES OF CHARACTERS RUSSIAN PROSE OF THE XX–XXI CENTURIES

The article reveals the main tactics of representation and stylistic functions of hints and indirect speech acts with directive meaning in reactive replicas in Russian prose of XX–XXI centuries.

Key words: indirect communication; implicitness; indirectness; reactive replica.

В рамках непрямо́й коммуникации мы разграничиваем явления косвенности и имплицитности, выделяя соответственно два типа непрямы́х высказываний – косвенный речевой акт и намек (имплика́тура, имплицитное высказывание). Основным признаком, позволяющим дифференцировать косвенные и имплицитные высказывания, считаем наличие у косвенных речевых актов грамматических показателей непрямо́й реализации прагматического значения и отсутствие подобных маркеров у имплика́тур. Среди других признаков косвенных речевых актов со значением побуждения отметим наличие у высказывания двойной иллокутивной функции, указание в речевом акте на действие, к выполнению которого побуждается адресат. В имплицитном высказывании желаемое для говорящего действие адресата и побуждение к нему имплицитируются в пропозиции речевого акта.

Цель данной статьи – выявление характерных черт реализации побуждения в реактивных репликах в частном дискурсе русской прозы XX–XXI вв. Высказывания, релевантные для проблематики статьи, отбирались методом сплошной выборки. В качестве основных методов исследования были использованы метод контекстуального анализа и компаративный метод.

В 8% контекстов от общего числа непрямы́х высказываний, соответствующего 4 440 единицам, в русской прозе XX–XXI вв. непрямо́е побуждение репрезентировано в репликах-реакциях.

Наиболее частотными коммуникативными тактиками, при помощи которых косвенное побуждение реализуется в реактивных репликах в русской художественной прозе XX–XXI вв., являются следующие: «контрпредложение», «переадресация действия», «встречная просьба», «встречный совет», «усиление побуждения», «побуждение к прекращению действия (к отказу от действия)», «ответ на уточняющий вопрос», «ответ на вопрос о потребностях». Ср.: *Лукашин, с аппетитом уминая его за обе щеки, подмигнул: – Поучил бы, Аверьян Павлович, – как такой хлеб делать. – А это уже к хозяйке надо адресоваться, она у меня мастерица (= спроси у моей жены; «переадресация действия»)* (Ф. Абрамов); – *Пойду в сад. – Не сухо еще там, погодил бы!» (= подожди, не ходи в сад; «побуждение к отказу от действия»)* (М. Горький); – *Тебя бы она послушала, Петровна, а? – Ладно, поговорю. А ты тоже хорош. Раскис! Хуже бабы. Гордость иметь надо (= имей гордость, «встречный совет»)* (Ф. Абрамов).

Общими при реализации косвенного и имплицитного видов побуждения являются коммуникативные тактики «встречная просьба» и «побуждение к отказу от действия». Ср.: *Угм... в понедельник. Ляжете в клинику с утра. Мой ассистент приготовит вас. – Ах, я не хочу в клинику. Нельзя ли у вас, профессор? (= разрешите, «встречная просьба», косвенный речевой акт)* (М. Булгаков); – *Имейте в виду, Шариков..., господин, что я, если вы позволите себе еще одну наглую выходку, я лишу вас обеда и вообще питания в моем доме <...> Тут Шариков испугался и приоткрыл рот. – Я без пропитания оставаться не могу, – забормотал он, – где же я буду харчеваться? (=не выполняйте угрозу, «встречная просьба», намек)* (М. Булгаков).

Имплицитное побуждение репрезентируется и специфическими тактиками: «прекращение коммуникации», «эхо реплики адресата»: – *Какое счастье видеть самого Михалкова! – Если хотите, вы можете видеть меня постоянно, – отозвался Сергей Владимирович. Это было объяснение в любви и предложение одновременно.* (= выходите за меня замуж, «эхо реплики адресата») (В. Токарева).

Выявлено, что использование косвенных и имплицитных побуждений в реактивных репликах не связано напрямую с эпохой написания художественного текста, а обусловлено другими факторами – идиостилем писателя, идейной проблематикой художественных произведений, характером речевых ситуаций, типом изображаемых языковых личностей. Установлена частотность не прямой реализации побуждения в репликах-реакциях в прозе В. Набокова, М. Булгакова, Ф. Абрамова, С. Довлатова, З. Прилепина и, напротив, ее малочисленность в творчестве И. Бунина, А. Куприна, В. Распутина, В. Тендрякова, А. Битова.

В качестве стилистических функций директивных речевых актов в репликах-реакциях выступают следующие: отражение социального конфликта, частного конфликта, речевых ситуаций фатического общения, создание речевого портрета персонажей.

Так, обращает на себя внимание употребительность реактивных реплик, непрямо реализующих интенцию побуждения, в произведениях М. Булгакова 1920-ых гг. (в романе «Белая гвардия» и повести «Собачье сердце» – 18 единиц). Диссонанс в сфере общения, в том числе и в области не прямой коммуникации, является отражением сложной общественно-политической ситуации в России 1920-ых гг., столкновения между «уходящим» классом дворянства и представителями новой советской России. Ср.: – *Что-то вы меня, папаша, больно утесняете, – плаксиво выговорил человек. Филипп Филиппович покраснел, очки сверкнули. – Кто это тут вам папаша? Что это за фамильярности? Чтобы я больше не слышал этого слова!* (= не употребляйте слово) (М. Булгаков).

В русскоязычном творчестве В. Набокова реактивные реплики, репрезентирующие не прямые побуждения («Машенька» и «Защита Лужина», 26 контекстов), напротив, порождаются в результате столкновения различных систем ценностей в семейном, бытовом, приятельском общении. Ср.: – *Куда же мы поедем? Вот сперва на Ривьеру, – предлагала она. – Монте-Карло, Ницца. Или, скажем, Альпы». А потом немножко сюда, – сказал Лужин. – В Крыму есть очень дешевый виноград* (= поедем в Россию) (В. Набоков).

В прозе Ф. Абрамова данный тип введения в диалог не прямых реализаций интенций демонстрирует коммуникативную гибкость, находчивость, смекалку представителей крестьянства. Ср.: – *Чтоб у меня ни гугу. Поняли? – А ты чего за это дашь? – неожиданно спросил не по годам практичный Федюша* (= заплати за молчание) (Ф. Абрамов).

Анализируемый способ введения косвенного побуждения в диалог регулярно отмечается и в рассказах З. Прилепина в речевой ситуации фатического общения «мужская дружеская беседа». Такая беседа обычно протекает в виде шуточного спора, обмена мнениями. Ср.: – *Ты слишком быстро говоришь, – прерывал он всегда меня одной и той же фразой. – Быстро и много. – А как надо? – Надо говорить разумные вещи. – Надо быстро говорить разумные вещи. Много разумных вещей. Белый недобро смеялся, и хреновушка в глазах покачивалась* (= говори разумные вещи) (З. Прилепин).

На выбор первой из двух анализируемых коммуникативных разновидностей, косвенных побуждений, в структуре реплики-реакции социокультурный компонент общения не оказывают значительного влияния: данные речевые формы равномерно наблюдаются как в дискурсах представителей интеллигенции, так и представителей крестьянства. Вторая разновидность, имплицитные речевые формы, в большинстве контекстов актуализирована в городской прозе в диалогах представителей интеллигенции.